

У Фэй Цзиньни раньше был сын, но, конечно, его происхождение нельзя было раскрывать, поэтому он был записан под именем второразрядного хоу Юньи. Эта семья тоже носила фамилию Фэй, поэтому его настоящее имя было Фэй Шичунь.

Фэй Шичунь был старше Жун Цзяня на десять лет, и сейчас ему было двадцать семь. По логике, он уже должен был обзавестись семьёй и карьерой и не мог учиться в Покоях Янфу. Но он подделал возраст, как старый огурец, выкрашенный в зелёный цвет, и, по слухам, тоже учился в этом кабинете.

Жун Цзянь не обращал особого внимания на своих одноклассников — не мог много говорить, боялся, что его личность раскроют, и лишь во время вопросов на уроках внимательно слушал имена, упоминаемые учителями, или разговоры одноклассников на переменах.

Фэй Шичунь нигде не упоминался.

Куда же он делся?

Жун Цзянь не придавал этому большого значения, ведь, по крайней мере, при жизни принцессы, у них, вероятно, не было связи. Фэй Шичунь появлялся во второй половине книги, где говорилось, что у него была кровь семьи Жун, и Фэй Цзиньни хотел сделать его законным наследником, но его намерения были очевидны для всех сановников в империи.

Наконец, девятого числа девятой луны, после полудня, Жун Цзянь наконец дождался долгожданного выходного.

Выходной — не совсем точное слово. На самом деле в Покоях Янфу начинали изучать шесть искусств благородного мужа, а именно верховую езду и стрельбу из лука. Жун Цзянь, как принцесса, естественно, не должен был заниматься этим, плюс учителя ещё не решили, как с этим быть, поэтому сегодняшний урок можно было пропустить.

Однако Жун Цзянь не отдыхал, а, собрав все вопросы, накопившиеся за эти дни, отправился на дополнительное занятие.

Жун Цзянь сказал, что хочет полюбоваться цветами в Павильоне в центре озера, хотя в девятый месяц уже почти ничего не цвело. Но раз он так сказал, тётушка Чжоу не стала сомневаться, лишь велела следовать за ним маленькому евнуху.

Отправив Сы Фу, Мин Е прошёл по длинному мосту и тоже вошёл в Павильон в центре озера.

Из-за боязни, что их увидят наедине, окна павильона тоже нельзя было открывать. Свет проникал через многослойный зелёный шёлк, и внутри было сумрачно, пришлось зажечь несколько ламп.

Жун Цзянь передал книги Мин Е, сидевшему на другой стороне стола.

Мин Е открыл первую книгу. Предыдущие главы Жун Цзянь не учил, и Мин Е безошибочно перелистнул на нужную страницу, словно знал содержание наизусть, до мельчайших деталей.

Это был настоящий гений. Жун Цзянь почувствовал облегчение, зная, что его вопросы скоро получат ответы, а его успехи улучшатся.

И тут он услышал, как Мин Е произносит его имя:

— Ваше Высочество.

Жун Цзянь, приготовившись к битве, отозвался.

Следующая фраза Мин Е была:

— Чем вы это писали?

Жун Цзянь немного опешил, встал, подошёл ближе и посмотрел на пометки рядом с текстом.

Гром среди ясного неба!

Жун Цзянь, по сути, был современным человеком и не привык к местным чернилам и кистям. Хотя в университете он состоял в клубе каллиграфии, каждое занятие было для него целым ритуалом: мытьё рук, успокоение ума, включение музыки. Обычно он писал задания обычной шариковой ручкой, а здесь приходилось растирать тушь и писать кистью, что было для него непривычно.

А ещё ему нравилось оставаться в своих покоях наедине с собой, и он не хотел, чтобы кто-то помогал ему с растиранием туши, поэтому он немного схитрил — во время подготовки и повторения уроков использовал свою любимую «твёрдую ручку», совсем чуть-чуть...

Мин Е поднял взгляд, задержавшись на бровях Жун Цзяня.

В сумерках свет был холодным, а брови были нарисованы в стиле «маленьких гор».

Обычно мужской костяк плохо сочетается с таким макияжем, но скулы Жун Цзяня были невероятно изящными и миниатюрными, и даже самая тонкая маска не смогла бы передать такую живую красоту.

Мин Е отвел взгляд и рассеянно спросил:

— Это тушь для бровей?

Жун Цзянь вздрогнул. Как он мог догадаться?

Он случайно обнаружил, что тушь для бровей в его косметичке была помещена в тонкие раковины, и её можно было использовать не только для рисования бровей, но и для письма на бумаге, что было очень удобно. Поэтому он взял её для записей и рисунков.

Тогда он не подумал, что позже эти книги придётся показывать Мин Е, своему репетитору.

Мин Е указал на несколько иероглифов:

— Здесь пахнет османтусом.

Хотя это было написано несколько дней назад, и Мин Е не подходил близко, чтобы понюхать, он всё же уловил запах.

Жун Цзянь неопределённо ответил:

— М-м.

Мин Е снова спросил:

— Ваше Высочество любите аромат османтуса?

Особой любви к ароматам у Жун Цзяня не было, и он подумал, что это, вероятно, из-за того, что во время стирки платков во Дворце Чанлэ повсюду разливался аромат османтуса, и тётушка Чжоу решила, что он ему нравится, поэтому специально заменила тушь для бровей.

Но Мин Е не стал ждать ответа Жун Цзяня. Он перевернул страницу, остановился на одной фразе и сказал:

— Ваше Высочество, это то, что вы не понимаете?

А Жун Цзянь не понимал очень и очень многое.

Затем он понял, что для невежды индивидуальные занятия — это не только физическое, но и моральное испытание.

Жун Цзянь часто чувствовал, что задаёт совершенно тупые вопросы, но Мин Е не проявлял ни малейшего удивления, терпеливо всё объясняя. Однако Жун Цзянь не мог всё запомнить, поэтому принёс с собой чернила, кисть и бумагу, полный решимости делать записи.

Но писал он слишком медленно, что, видимо, снова удивило Мин Е. Жун Цзянь чувствовал себя униженным, думая, что во всём виновата кисть. В университете он славился своей скоростью письма, и соседи по комнате умоляли его показать конспекты во время сессии.

Мин Е не предложил помочь ему писать, вероятно, понимая, что Жун Цзянь записывает для лучшего запоминания, поэтому замедлил речь, позволяя тому не спешить.

После более чем часа писанины Жун Цзянь явно поник. Чай на столе, которого Мин Е не касался, он выпил в одиночку.

Мин Е, видимо, это заметил. Он усмехнулся, отложил книгу и сказал:

— Пора и отдохнуть, Ваше Высочество, хотите ещё чаю?

Жун Цзянь, уткнувшись в стол, слабо кивнул, показывая, что хочет.

Мин Е сказал «хорошо» и вышел.

Жун Цзянь немного пришёл в себя, почувствовал, что в павильоне слишком душно, да и просидел больше часа, поэтому вышел размяться.

Несколько человек в костюмах для верховой езды, разговаривая, проходили по внешней тропинке.

Жун Цзянь узнал своих одноклассников из Покоев Янфу и понял, что они, вероятно, только что закончили урок верховой езды и стрельбы из лука и шли в Покои Янфу за книгами.

Деревья были высокими, тропинка узкой, а Жун Цзянь, одетый в зелёное платье, стоял за деревом, срывая цветы. Люди не заметили его, и их слова донеслись с ветром.

— Се Жуй, ты в эти дни получил какую-нибудь выгоду от принцессы?

— Что ты имеешь в виду? Не городи ерунды!

— Мы выросли вместе, разве я не понимаю твоих намерений?

— Ты ведь тоже хочешь стать зятем, да?

— Если станешь зятем, что же будет с твоей двоюродной сестрой?

После этих насмешек Жун Цзянь, будучи той самой «принцессой», о которой они говорили, почувствовал себя крайне неловко.

Тот, кого звали Се Жуй, похоже, тоже разозлился:

— Вы тоже не говорите только обо мне. Старшие сыновья знатных семей, конечно, промолчат, но... кто же не захочет в будущем стать отцом императора! Настоящий мужчина не боится остаться без жены, а что касается моей двоюродной сестры, у неё будет другой путь.

Жун Цзянь: ...

Что это за бред, они слишком много на себя берут.

Жун Цзянь наконец вспомнил, кто такой Се Жуй. «Жуй» должно быть его второе имя, а звали его Се Шу. Он часто подходил к Жун Цзяню на переменах, и Жун Цзянь слегка раздражался, но не придавал этому значения, особенно не думал в этом направлении. Не ожидал, что за его внешней учтивостью скрывается такое.

Другой человек вздохнул:

— Жуй, ты прав. Не смотри, что эти несколько человек сидят не шелохнувшись, другие тоже наблюдают. Хотя это трудно, как достать луну с неба, но если получится, это будет настоящий прыжок в небеса.

Жун Цзянь замер, внезапно осознав, насколько страшна его нынешняя роль принцессы. Ему угрожало не только раскрытие личности, но и необходимость быть начеку, чтобы не дать кому-либо совершить карьерный взлёт через него. В мире, конечно, есть благородные люди, но и неблагородных, таких как эти несколько человек или внучатый племянник вдовствующей императрицы, тоже пруд пруди, и все они хотят жениться на принцессе, прыгнуть через Ворота Дракона и стать отцом следующего императора.

Эта мысль шокировала Жун Цзяня. Он начал жаловаться, почему ему не досталась роль главного героя, который стал бы драконьим гордым принцессой, захватил трон и правил миром. Но, судя по его нынешнему статусу, если бы он оказался главным героем, это было бы не в «Точке», а в соседнем «Гайтан Сити», и это был бы настоящий ад.

Хотя сейчас он был лишь второстепенным персонажем, по крайней мере, ему не придётся жертвовать своим телом.

Ладно, просто немного женской одежды, ничего страшного. — утешил себя Жун Цзянь.